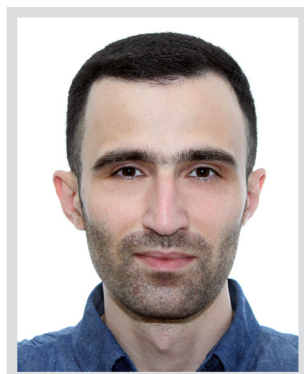

УДК 343.1

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-192-198

© Восканян А.А., 2026

Сравнительно-правовой анализ процессуальных особенностей допроса несовершеннолетних

Восканян Абраам Арамович¹

Аспирант кафедры уголовного права уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

(117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: abraam.voskanyan.97@inbox.ru)

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ процессуальных институтов и гарантий, обеспечивающих защиту прав несовершеннолетних в ходе допроса в рамках уголовного судопроизводства. На примере правовых систем Российской Федерации, Республики Узбекистан (континентальная правовая семья), Англии и США (англосаксонская правовая семья) выявляются и подробно характеризуются две основные национальные модели регулирования: «процессуально-гарантийная» и «реабилитационно-прагматическая». Цель исследования заключается в выявлении наиболее эффективных правовых гарантий путем сравнительного анализа подходов различных правовых систем, оценке их реальной, а не только формальной эффективности сквозь призму данных современной психологии о внушаемости и возрастных особенностях несовершеннолетних, а также в выработке конкретных, научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию процессуальных норм Российской Федерации. Особое внимание уделяется влиянию международно-правовых стандартов (Конвенция ООН о правах ребенка), а также психолого-культурным аспектам, обуславливающим необходимость специализированного подхода к допросу несовершеннолетних.

Автор приходит к выводу о необходимости конвергенции формальных гарантий и эмпирически обоснованных практик, предлагая конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции, включая имплементацию элементов института «соответствующего взрослого» и законодательную рекомендацию по использованию научно-обоснованных протоколов допроса (на примере протокола NICHD).

Теоретическая значимость работы заключается в углублении научных представлений о моделях правового регулирования допроса несовершеннолетних и критериях их эффективности. Практическая значимость состоит в том, что сформулированные рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании УПК РФ, а также в практической деятельности следователей и дознавателей.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего, уголовный процесс, сравнительное правоведение, процессуальные гарантии, права ребенка, соответствующий взрослый (*appropriate adult*), психолого-педагогическое сопровождение, внушаемость, протокол NICHD, видеозапись допроса, *J.D.B. v. North Carolina*

¹ Юрисконсульт Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании ВО «Совтелеэкспорт» (125040, Москва, ул. 5-я Ямского Поля, д. 19–21, стр. 1).

Для цитирования: Восканян А.А. Сравнительно-правовой анализ процессуальных особенностей допроса несовершеннолетних // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 192–198. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-192-198.

Введение

Эффективность и справедливость уголовного судопроизводства в современном правовом государстве определяются не только неотвратимостью наказания, но и тем, насколько его процедуры адаптированы к особенностям различных категорий участников. Несовершеннолетние, в силу психофизиологической незрелости, незавершенности социализации, повышенной внушаемости и склонности к фантазированию, являются одной из наиболее уязвимых групп, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса. Их участие в следственных действиях, будучи зачастую объективно необходимым для установления истины, несет в себе высокий риск психотравматизации, получения искаженных показаний и, как следствие, судебных ошибок. Центральным следственным действием, в ходе которого наиболее остро проявляется данная уязвимость, является допрос. Именно в ходе допроса реализуется коммуникативная функция уголовного процесса, и именно здесь несовершеннолетний сталкивается с властным субъектом – следователем, чьи вопросы и манера общения могут оказать решающее воздействие на содержание показаний. Это требует установления в отношении несовершеннолетних не просто общих, а специальной, расширенной системы правовых гарантий.

Статистическое обоснование. Масштаб проблемы подтверждается данными судебной статистики. Согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ежегодно по уголовным делам в качестве потерпевших признается более 50 тыс. несовершеннолетних. Еще десятки тысяч допрашиваются в качестве свидетелей и подозреваемых (обвиняемых). Таким образом, от качества правового регулирования и правоприменительной практики в этой сфере зависят судьбы сотен тысяч детей ежегодно, что придает настоящему исследованию высокую практическую значимость.

Процессуально-гарантийная модель (Российская Федерация, Республика Узбекистан)

Данная модель, характерная для стран континентальной правовой семьи (романо-германской правовой системы), отличается детальной, императивной регламентацией процедуры в уголовно-процессуальном законе. Законодатель стремится предусмотреть все возможные риски и заранее установить формальные, четко прописанные барьеры на пути к возможным нарушениям. Основной упор делается на расширение круга участников допроса, которые, по замыслу законодателя,

выполняют функцию гарантов прав несовершеннолетнего.

В Российской Федерации ст.ст. 191, 280, 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) устанавливают развернутый перечень гарантий, которые можно классифицировать по нескольким направлениям.

А) Субъектный состав: институт обязательного участия третьих лиц

Обязательное участие педагога или психолога: согласно ч. 1 ст. 191 и ч. 3 ст. 425 УПК РФ, участие педагога или психолога обязательно при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет (по усмотрению следователя – до 18 лет), а также при допросе подозреваемых и обвиняемых, не достигших 16 лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отступающих в психическом развитии.

Дифференциация статуса: важно подчеркнуть, что закон не разграничивает функции педагога и психолога, оставляя это на усмотрение следователя. На практике это приводит к тому, что педагог (часто школьный учитель, не имеющий специальной подготовки по работе с травмой или допросу) зачастую выполняет роль пассивного статиста. Его участие сводится к присутствию и подписи в протоколе, тогда как психолог мог бы оказать более квалифицированную помощь в оценке состояния ребенка и коррекции задаваемых вопросов. Это порождает проблему формализма, когда гарантия присутствует «на бумаге», но не работает в полную силу.

Участие законного представителя: ст. 191 УПК РФ и ч. 2 ст. 426 УПК РФ наделяют законного представителя (родителя, опекуна, попечителя) широкими правами: знать, в чем подозревается ребенок, присутствовать при допросе, с разрешения следователя задавать вопросы, знакомиться с протоколами, приносить жалобы.

Внутреннее противоречие: однако институт законного представителя не лишен внутренних противоречий. Интерес представителя (например, боязнь семейного позора, собственная причастность к преступлению) может не совпадать с интересом ребенка. В случае, когда несовершеннолетний подозревается в преступлении, совершенном в соучастии с родителем, присутствие последнего на допросе является не защитой, а психологическим давлением на ребенка. Закон допускает отстранение законного представителя в таких случаях (ч. 2 ст. 428 УПК РФ), но эта процедура не автоматизирована и требует от следователя дополнительных волевых усилий и обоснования.

Б) Временные и организационные гарантии

Временные ограничения. Ч. 4 ст. 425 УПК РФ устанавливает жесткие императивные лимиты: допрос не может длиться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день. Это ключевое отличие от процедуры допроса взрослых, для которых такие ограничения не закреплены. Норма основана на учете психофизиологических особенностей ребенка – его способности концентрировать внимание.

Проблема правоприменения: эффективность этой нормы снижается из-за отсутствия четкой процессуальной санкции за ее нарушение. Является ли протокол допроса, проведенного сверх установленного лимита, недопустимым доказательством? УПК РФ прямого ответа не дает, и судебная практика по этому вопросу неоднозначна. Чаще всего суды признают такое нарушение несущественным, если оно не повлияло на содержание показаний, – что, по сути, нивелирует гарантию.

Использование технических средств: ст. 278.1 УПК РФ допускает использование видеоконференц-связи для допроса свидетелей и потерпевших. Это позволяет минимизировать стресс от непосредственного контакта с обвиняемым, особенно по делам о насильственных преступлениях. Рекомендательный характер носит и видеозапись допроса (ч. 6 ст. 191 УПК РФ): она является мощным инструментом контроля за поведением следователя и фиксации эмоционального состояния ребенка, однако не стала обязательной.

В) Особенности оценки показаний

Ст. 196 УПК РФ предписывает обязательное назначение судебно-психологической экспертизы для определения способности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), имеющего признаки отставания в психическом развитии, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Это важная гарантия, однако она срабатывает уже после допроса и направлена на оценку вменяемости, а не на предотвращение искажений в момент получения показаний.

Республика Узбекистан: схожие институты с региональной спецификой

В Республике Узбекистан уголовно-процессуальный кодекс закрепляет институты, во многом схожие с российскими (ст.ст. 102, 103), но с рядом особенностей, отражающих национальную правовую традицию.

Право задавать вопросы: важной формальной особенностью является прямое указание в законе на то, что педагог и законный представитель вправе с разрешения следователя задавать вопросы допрашиваемому. В российской практике такое право подразумевается, но не всегда акцентируется. Узбекский законодатель, формализуя это право, пытается сти-

мулировать активную роль участников. Однако, как и в России, реализация этого права зависит от усмотрения следователя, что сохраняет элемент формализма.

Культурный контекст: в Узбекистане, с его коллективистской культурой и традиционно высоким авторитетом старших, присутствие на допросе не просто законного представителя, а старшего родственника (отца, деда) оказывает гораздо более сильное психологическое влияние на ребенка, чем в индивидуалистических культурах. Это влияние может быть как позитивным (поддержка), так и негативным (давление, страх осуждения семьей). Законодательство Узбекистана не учитывает этот нюанс, оставляя его в плоскости тактики следователя.

Предварительный вывод по модели: главный недостаток «процессуально-гарантийной» модели – ее потенциальный формализм. Наличие педагога, психолога и законного представителя не гарантирует, что допрос ведется с учетом возрастных особенностей памяти, внимания и внушаемости ребенка. Гарантия остается «бумажной», если не подкреплена специальными знаниями и процедурами, а также реальной процессуальной активностью всех участников. Требуется содержательное наполнение этих формальных институтов.

Реабилитационно-прагматическая модель (Англия, США)

Модель, характерная для стран англосаксонской правовой семьи (общего права), в меньшей степени стремится детально регламентировать процедуру в статутном праве (парламентских законах). Основной упор делается на гибкие практические механизмы, выработанные прецедентным правом и подзаконными актами (полицейскими инструкциями, кодексами практик), а также на активное использование достижений психологической науки для создания процедур, минимизирующих риск получения ложных показаний.

Англия: институт «соответствующего взрослого» как гарант коммуникации

В Англии ключевой фигурой, обеспечивающей права несовершеннолетнего при допросе, является «соответствующий взрослый» (*appropriate adult*). Этот институт детально прописан в Полицейских и судебных актах 1984 г. (*Police and Criminal Evidence Act 1984, PACE*) и, что особенно важно, в Кодексе практики С (*Code of Practice C*), который является обязательным для исполнения полицией.

Кто может быть «соответствующим взрослым»? *Code C* устанавливает иерархию: 1) родитель или опекун; 2) социальный работник; 3) другой взрослый родственник или знакомый; 4) специально обученный волонтер (в случае отсутствия иных лиц). Важно, что это не просто родственник, а лицо, способное выполнить свою функцию.

Функция «соответствующего взрослого»: ключевое отличие от российского законного предста-

вителя заключается в функциональном назначении: если российский представитель действует как субъективный защитник интересов ребенка, то английский «*appropriate adult*» выполняет роль объективного гаранта процессуальной справедливости, обеспечивая понимание ребенком процедуры, а не навязывая ему свою волю. Он обязан:

1. Убедиться, что несовершеннолетний понимает смысл процедуры и свои права (право на молчание, право на адвоката).

2. Наблюдать за тем, ведется ли допрос справедливо и с учетом уязвимости подростка.

3. Помогать несовершеннолетнему общаться с полицией, при необходимости разъясняя ему вопросы и следя за понятностью ответов.

4. Поддержать ребенка эмоционально.

Таким образом, «соответствующий взрослый» выступает не столько как представитель интересов, сколько как гарант процессуальной справедливости и коммуникативный мост между ребенком и системой правосудия.

Последствия отсутствия: если «соответствующий взрослый» отсутствовал во время допроса, а несовершеннолетний не отказался от его участия добровольно и осознанно, полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми в суде. Это мощный стимул для полиции неукоснительно соблюдать процедуру.

США: верховенство прецедента и эмпирический подход

В США подход к допросу несовершеннолетних сформирован на стыке прецедентного права, конституционных гарантий и самых современных эмпирических психологических исследований.

А) Судебный прецедент: дело *J.D.B. v. North Carolina* (2011). Это знаковое решение Верховного Суда США кардинально изменило подход к применению знаменитых правил *Miranda* (предупреждение о праве хранить молчание и иметь адвоката) в отношении детей.

Фабула дела: 13-летний подросток Дж.Д.Б. был допрошен в школе сотрудником полиции в присутствии администрации школы. Ему не зачитали права *Miranda*, так как полицейский не считал, что ребенок находится под стражей. Впоследствии признательные показания подростка были использованы против него.

Решение Суда: Верховный Суд постановил, что возраст ребенка является объективным фактором, подлежащим учету при определении того, находился ли он «под стражей» (*in custody*) для целей применения правил *Miranda*, поскольку разумное лицо того же возраста могло бы воспринимать подобную обстановку как ограничение свободы.

Б) Влияние психологической науки: исследование внушаемости и протокол *NICHD*. Пожалуй, самое сильное влияние на американскую практику

оказали не законодательные акты, а многолетние научные исследования, прежде всего работы профессора Стивена Сеси (*Stephen Ceci*) и Мэгги Брук (*Maggie Bruck*).

Исследования внушаемости: Сеси и Брук в серии экспериментов убедительно доказали, что дети дошкольного и младшего школьного возраста чрезвычайно восприимчивы к внушению. Они могут давать ложные показания о событиях, которых никогда не было, если взрослые задают наводящие вопросы, оказывают давление или используют социальное подкрепление («Ты молодец, расскажи еще»). Особенно опасны так называемые «прагматические импликации» – скрытые в вопросах намеки на желательный ответ (например: «Он прикоснулся к тебе здесь, не так ли?» вместо «Что случилось потом?»).

Протокол NICHD: в ответ на эти вызовы группой исследователей под руководством Майкла Лэмба (*Michael Lamb*) был разработан специальный протокол структурированного интервью для допроса детей – протокол *NICHD* (Национального института детского здоровья и человеческого развития). Данный протокол, хотя и не имеет силы федерального закона, признан рекомендуемым стандартом надлежащей практики и активно имплементируется в деятельность правоохранительных органов, а его использование рассматривается судами в качестве критерия допустимости и достоверности полученных показаний.

Многочисленные исследования подтвердили, что использование протокола *NICHD* значительно повышает количество и качество информации, получаемой от детей, и снижает риск получения ложных показаний.

Предварительный вывод по модели: сильная сторона «реабилитационно-прагматической» модели – ее гибкость и опора на научные данные. Вместо наращивания числа формальных участников она создает функциональные институты («соответствующий взрослый») и предлагает научно обоснованные процедуры (протокол *NICHD*), направленные на достижение конкретного результата – получение достоверных показаний без травмирования ребенка. Недостатком может быть меньшая унифицированность и зависимость от уровня подготовки конкретного правоприменителя.

Международно-правовые стандарты как национальный ориентир

Основополагающим документом является Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.). Хотя Конвенция не содержит детальных правил о допросе, ее ключевые принципы имеют фундаментальное значение:

Право быть заслушанным (ст. 12): Ребенок имеет право быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Это означает, что процедура допроса должна быть органи-

зована так, чтобы ребенок мог свободно выразить свое мнение, а не механически отвечать на вопросы.

Эти принципы имплементируются в национальное законодательство, требуя минимизации стресса, адаптации процедур к возрасту и оперативности. Например, Гаагская конвенция 1980 г. о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей прямо требует использования «самых быстрых процедур», что применимо и к получению объяснений от ребенка.

Конкретные рекомендации по изменению российского законодательства

Анализ выявленных недостатков позволяет предложить следующие конкретные формулировки изменений в УПК РФ и ведомственные инструкции.

1. Дополнить ст. 191 УПК РФ ч. 1.1 следующей редакцией:

«1.1. При производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, либо старше 16 лет, страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие психолога является обязательным. Педагог участвует в допросе только при отсутствии возможности обеспечить участие психолога, о чем составляется мотивированное постановление следователя. Функции психолога и педагога не могут совмещаться одним лицом».

Обоснование: Дифференциация статуса психолога и педагога, приоритет психолога как специалиста, способного оценить состояние ребенка и корректировать вопросы.

2. Дополнить ст. 191 УПК РФ ч. 3.1 следующей редакцией:

«3.1. При производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в случае, если законный представитель несовершеннолетнего подозревается или обвиняется в совершении преступления, в отношении которого допрашивается несовершеннолетний, либо если имеются основания полагать, что действия законного представителя противоречат интересам несовершеннолетнего, следователь обязан отстранить законного представителя от участия в следственном действии и обеспечить участие в качестве законного представителя иного лица из числа близких родственников либо органа опеки и попечительства».

Обоснование: Устранение конфликта интересов законного представителя, автоматизация процедуры отстранения (без дополнительного усмотрения следователя).

3. Дополнить ст. 425 УПК РФ ч. 4.1 следующей редакцией:

«4.1. Проведение допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с нарушением требований части четвертой настоящей статьи (о длительности допроса) является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим

признание протокола допроса недопустимым доказательством, если иное не установлено судом при наличии бесспорных доказательств того, что такое нарушение не повлияло на содержание и достоверность показаний».

Обоснование: Введение процессуальной санкции за нарушение временных лимитов (презумпция недопустимости с возможностью опровержения).

4. Изложить ч. 6 ст. 191 УПК РФ в следующей редакции:

«6. Производство допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, а также старше 16 лет по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, подлежит обязательной видеозаписи. Об этом делается отметка в протоколе следственного действия. Видеозапись приобщается к материалам уголовного дела. В случае технической невозможности видеозаписи составляется мотивированное постановление следователя с указанием причин».

Обоснование: Обязательность видеозаписи для наиболее уязвимых категорий и по чувствительным составам преступлений.

Изменения в ведомственные нормативные акты: Дополнить Инструкцию о порядке проведения допроса несовершеннолетних (в виде отдельного приложения к приказу Следственного комитета РФ, МВД РФ) положением о «соответствующем взрослом»:

«В случае, если законный представитель несовершеннолетнего отсутствует, отстранен от участия либо его участие противоречит интересам несовершеннолетнего, следователем обеспечивается участие “соответствующего взрослого” – лица, обладающего навыками коммуникации с детьми и прошедшего специальную подготовку (социальный работник, психолог, волонтер общественной организации по защите прав детей). Соответствующий взрослый присутствует при допросе, оказывает несовершеннолетнему содействие в понимании задаваемых вопросов и разъяснении своих прав. Необеспечение участия соответствующего взрослого в предусмотренных настоящей Инструкцией случаях является основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством».

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о наличии единой тенденции к гуманизации процедуры допроса несовершеннолетних. Континентальная модель (РФ, Узбекистан) идет по пути наращивания формальных гарантий (расширение круга участников, временные лимиты). Модель общего права (Англия, США) делает ставку на функциональные институты («соответствующий взрослый») и научно обоснованные методики (протокол *NICHD*).

Автор полагает, что наиболее перспективным для России является путь конвергенции: сохранение и укрепление собственных формальных гарантий с одновременным их содержательным обогащением за счет заимствования функциональных идей и научных методов из опыта стран общего права. Предложенные в работе конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции – имплементация элементов института «соответствующего взросло-го», законодательная рекомендация по использованию протоколов типа *NICHD*, дифференциация статуса педагога и психолога, усиление роли видеозаписи и введение четких санкций за нарушения – направлены именно на достижение этой цели. В работе предложены **конкретные формулировки изменений в УПК РФ, изменения в ведомственные инструкции и пошаговый механизм внедрения.**

Предложенные изменения направлены на достижение двух ключевых целей: 1) повышение достоверности показаний несовершеннолетних за счет использования научно обоснованных методик; 2) минимизацию психотравматизации ребенка в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Автор полагает, что наиболее перспективным для России является путь конвергенции: сохранение и укрепление собственных формальных гарантий с одновременным их содержательным обогащением за счет заимствования функциональных идей и научных методов из опыта стран общего права. Предложенные в работе конкретные изменения в УПК РФ и ведомственные инструкции – имплементация элементов института «соответствующего взросло-го», законодательная рекомендация по использованию протоколов типа *NICHD*, дифференциация статуса педагога и психолога, усиление роли видеозаписи и введение четких санкций за нарушения – направлены именно на достижение этой цели.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере является необходимым условием для построения справедливого, гуманного и защищающего права ребенка уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.02.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-XII (в действ. ред.). Ташкент, 2024.
3. Police and Criminal Evidence Act 1984. London: The Stationery Office, 1984. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Code of Practice C (PACE 1984): Revised Code of Practice for the Detention, Treatment and Questioning of Persons by Police Officers. London: The Stationery Office, 2023. URL: <https://www.gov.uk/guidance/police-and-criminal-evidence-act-1984-pace-codes-of-practice> (дата обращения: 10.05.2024).
5. J.D.B. v. North Carolina, 564 U.S. 261 (2011). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/564/261/> (дата обращения: 10.05.2024).
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
7. Ceci S.J., Bruck M. Jeopardy in the courtroom: A scientific analysis of children's testimony. Washington, DC: American Psychological Association, 1995. 338 p.
8. Lamb M.E., Orbach Y., Hershkowitz I., Esplin P.W., Horowitz D. A structured forensic interview protocol improves the quality and informativeness of investigative interviews with children: A review of research using the NICHD Investigative Interview Protocol // Child Abuse & Neglect. 2007. Vol. 31. № 11-12. P. 1201–1231.
9. Матвеев С.В. Участие специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних // Законность. 2019. № 5. С. 45–48.

Comparative Legal Analysis of the Procedural Features of the Interrogation of Minors

Abraham Aramovich Voskanyan

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia),
All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company VO Sovtelexport (Moscow, Russia)

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of procedural institutions and guarantees protecting the rights of minors during interrogation in criminal proceedings. Using the legal systems of the Russian Federation, the Republic of Uzbekistan (continental legal family), England and the USA (Anglo-Saxon legal family) as examples, two main national regulatory models are identified and characterized in detail: the "procedural-guarantee" model and the "rehabilitation-pragmatic" model.

The purpose of the study is to identify the most effective legal guarantees through a comparative analysis of approaches in different legal systems, assess their real (not just formal) effectiveness through the prism of modern psychological data on suggestibility and age-related characteristics of children, and develop specific, scientifically based recommendations for improving the procedural norms of the Russian Federation. Special attention is paid to the influence of international legal standards (UN Convention on the Rights of the Child), as well as psychological and cultural aspects that necessitate a specialized approach to the interrogation of minors.

The author concludes that there is a need for convergence of formal guarantees and empirically based practices, proposing specific amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and departmental regulations, including the implementation of elements of the "appropriate adult" institution and a legislative recommendation for the use of evidence-based interrogation protocols (using the NICHD protocol as an example).

The theoretical significance of the work lies in deepening scientific understanding of the models of legal regulation of interrogation of minors and the criteria for their effectiveness. The practical significance lies in the fact that the formulated recommendations can be used in legislative activity when improving the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as in the practical activities of investigators and interrogators.

Keywords: interrogation of a minor; criminal procedure, comparative jurisprudence, procedural guarantees, rights of the child, appropriate adult, psychological and pedagogical support, suggestibility, NICHD protocol, video recording of interrogation, J.D.B. v. North Carolina

